

Анатолий
Рыбаков

Кормак
Бронзовая
птица
Выстрел

Анатолий Наумович Рыбаков
Кортик. Бронзовая
птица. Выстрел (сборник)
Серия «Вся детская классика»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8685769
Кортик, Бронзовая птица, Выстрел: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-068348-2

Аннотация

Прозаик Анатолий Рыбаков, автор «взрослой» трилогии «Дети Арбата», начал свой путь в литературе с приключенческих повестей для детей – «Кортик», «Бронзовая птица», «Выстрел». На них выросло уже не одно поколение, но эти книги по-прежнему не устаревают! В них рассказывается о приключениях московских школь-ников Мишки Полякова, Генки Петрова и их друзей. Они постоянно попадают в головокружительные истории и распутывают загадки, которые не под силу решить даже взрослым. Будь это тайна старинного морского кортика, за которым охотится офицер с погибшего линкора, загадка бронзовой птицы в заброшенной усадьбе или разоблачение банды, обкрадывающей вагоны с мануфактурой. И всегда ребята остаются верны себе и своим друзьям! Для среднего школьного возраста.

Содержание

Кортик	5
Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	34
Глава 8	38
Глава 9	42
Глава 10	45
Глава 11	48
Глава 12	52
Глава 13	55
Глава 14	59
Часть вторая	64
Глава 15	64
Глава 16	67
Глава 17	71
Глава 18	73
Глава 19	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Анатолий Рыбаков

Кортик. Бронзовая

птица. Выстрел (сборник)

© А.Н. Рыбаков, наследники, 2018

© М.Ф. Петров, наследники, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Кортик

Повесть

Часть первая

Ревск

Глава 1

Испорченная камера

Миша тихонько встал с дивана, оделся и выскользнул на крыльцо.

Улица, широкая и пустая, дремала, пригретая ранним утренним солнцем. Перекликались петухи. Изредка из дома доносились кашель, сонное бормотание – первые звуки пробуждения в прохладной тишине покоя.

Миша жмурил глаза. Его тянуло обратно в теплую постель, но мысль о рогатке заставила его встряхнуться. Осторожно ступая по скрипучим половицам коридора, он пробрался в чулан.

Тусклый свет падал из крошечного оконца под потолком на прислоненный к стене велосипед – старую сборную ма-

шину на спущенных шинах, с ржавыми спицами и порванной цепью. Миша снял висевшую над велосипедом рваную, в разноцветных заплатках камеру, перочинным ножом вырезал из нее две узкие полоски и повесил обратно так, чтобы вырез был незаметен.

Он осторожно открыл дверь, собираясь выбраться из чулана, как вдруг увидел в коридоре Полевого, босого, в тельняшке, с взлохмаченными волосами. Миша прикрыл дверь и, оставив маленькую щелку, притаился.

Полевой спустился во двор, подошел к заброшенной собачьей будке, внимательно осмотрелся.

«Чего ему не спится? – думал Миша. – И осматривается как-то странно...»

Полевого все называли «товарищ комиссар». Высокий, могучий человек, в прошлом матрос, он до сих пор ходил в широких черных брюках и куртке, пропахшей табачным дымом. Из-под куртки на ремешке болтался наган. Все ревские мальчишки завидовали Мише – он жил в одном доме с Полевым.

«Чего это он? – удивлялся Миша. – Так я из чулана не выберусь! Бабушка вот-вот поднимется».

Полевой сел на лежавшее возле будки бревно, еще раз осмотрел двор. Его взгляд скользнул по щелочке, в которую подглядывал Миша, по окнам дома.

Потом он засунул руку под будку, долго шарил там, видимо нащупывая что-то, затем выпрямился, встал и пошел об-

ратно в дом. Скрипнула дверь его комнаты, затрещала под грузным телом кровать, и все стихло.

Мише не терпелось смастерить рогатку, но... что искал Полевой под будкой? Миша крадучись подошел к ней и остановился в раздумье.

Посмотреть, что ли? А вдруг кто-нибудь заметит? Он сел на бревно и оглянулся на окна дома. «Нет, нехорошо! Нельзя быть таким любопытным! – подумал Миша и засунул руку под будку. – Ничего здесь не может быть». Ему просто показалось, будто Полевой что-то искал... Рука его шарила под будкой. Конечно, ничего! Только земля и скользкое дерево... Мишины пальцы попали в расщелину. Если здесь и спрятано что-нибудь, то он даже не посмотрит, только убедится, есть тут что или нет. Он нащупал в расщелине что-то мягкое, вроде тряпки. Вытащить? Миша еще раз оглянулся на дом, потянул тряпку и, разгребая землю, вытащил из-под будки сверток.

Он стряхнул с него землю и развернул. На солнце блеснул стальной клинок кинжала. Кортик! Такие кортики носят морские офицеры. Он был без ножен, с тремя острыми гранями. Вокруг побуревшей костяной рукоятки извивалась бронзовым телом змейка с открытой пастью и загнутым сверху язычком.

Обыкновенный морской кортик. Почему же Полевой его прячет? Странно. Миша еще раз осмотрел кортик, завернул его в тряпку, засунул обратно под будку и вернулся на крыль-

цо.

Со стуком падали деревянные брусья, запирающие ворота. Коровы медленно и важно, помахивая хвостами, присоединялись к проходившему по улице стаду. Стадо гнал пас-тушонок в длинном, до босых пят, рваном зипуне и барашковой шапке. Он покрикивал на коров и ловко хлопал бичом, который волочился за ним в пыли как змея.

Сидя на крыльце, Миша мастерил рогатку, но мысль о кортике не выходила у него из головы. Ничего в этом кортике нет, разве что бронзовая змейка... Почему Полевой его прячет?

Рогатка готова. Эта будет получше Генкиной! Миша вложил в нее камешек и стрельнул по прыгавшим на дороге воробьям. Воробьи поднялись и уселись на заборе. Миша хотел еще раз выстрелить, но в доме раздались шаги, стук печной заслонки, плеск воды из ушата. Миша спрятал рогатку за пазуху и направился в кухню.

Бабушка в своем засаленном капоте с оттопыренными от множества ключей карманами передвигала по скамейке большие корзины с вишнями. На озабоченном лице щурятся маленькие, подслеповатые глазки.

Миша запустил руки в корзину.

– Куда, куда! – закричала бабушка. – Грязными лапами!

– Жалко уж! Я есть хочу, – проворчал Миша.

– Умойся сперва.

Миша подошел к умывальнику, чуть смочил ладони, при-

коснулся к кончику носа, тронул полотенце и отправился в столовую.

На своем обычном месте, во главе длинного обеденного стола, покрытого коричневой цветастой клеенкой, уже сидит дедушка – старенький, седенький, с редкой бородкой и рыжеватыми усами. Большим пальцем он закладывает в нос табак и чихает в желтый носовой платок. Его живые, в лучах добрых, смешливых морщинок глаза улыбаются, и от его сюртука исходит мягкий и приятный запах, только одному дедушке свойственный.

На столе еще ничего нет. В ожидании завтрака Миша поставил свою тарелку посреди нарисованной на клеенке розы и начал обводить ее вилкой, чтобы замкнуть розу в круг.

На клеенке появляется глубокая царапина.

Неся перед собой самовар, в столовую вошла бабушка. Миша прикрыл царапину локтями.

– Где Семен? – спросил дед.

– В чулан пошел, – ответила бабушка. – Велосипед вздумал чинить!

Миша вздрогнул и, забыв про царапину, снял локти со стола. Велосипед чинить? Вот так штука! Все лето дядя Сеня не притрагивался к велосипеду, а сегодня, как назло, принялся за него. Сейчас увидит камеру – и начнется канитель.

Скучный человек дядя Сеня! Бабушка – та просто отругает, а дядя Сеня скривит губы и начинает читать нотации. В это время он смотрит в сторону, снимает и надевает пенсне,

теребит золоченые пуговицы на своей студенческой тужурке. А он вовсе не студент! Его давным-давно исключили из университета за «беспорядки». Интересно, какой беспорядок мог наделать такой всегда аккуратный дядя Сеня? Лицо у него бледное, серьезное, с маленькими усиками под носом. За обедом он обычно читает книгу, скосив глаза, и не глядя, наугад подносит ко рту ложку.

Миша опять вздрогнул: из чулана донеслось громоуханье велосипеда.

И когда в дверях показался дядя Сеня с порезанной камерой в руках, Миша вскочил и, опрокинув стул, опрометью бросился из дому.

Глава 2

Огородные и Алексеевские

Он промчался по двору, перемахнул через забор и очутился на соседней, Огородной улице. До ближайшего переулка, ведущего на свою, Алексеевскую улицу, не более ста шагов. Но мальчишки с Огородной, заклятые враги алексеевских, уже заметили Мишу и сбегались со всех сторон, вопя и улюлюкая, в восторге от предстоящей расправы с алексеевским, да еще с москвичом.

Миша быстро вскарабкался обратно на забор изакричал: – Что, взяли? Эх вы, пугалы огородные!

Это была самая обидная для огородных кличка. В Мишу

полетел град камней. Он скатился с забора во двор, на лбу его набухла шишка, а камни продолжали лететь, падая возле самого дома, из которого вдруг вышла бабушка. Она близоруко сощурила глаза и, обернувшись к дому, кого-то позвала. Наверное, дядю Сеню...

Миша прижался к забору:

– Ребята, стой! Слушай, чего скажу!

– Чего? – ответил кто-то за забором.

– Чур, не бросаться! – Миша снова влез на забор, с опаской поглядел на ребячьи руки. – Что вы все на одного? Давайте по-честному – один на один.

– Давай! – закричал Петька Петух, здоровенный парень лет пятнадцати.

Он сбросил с себя рваную кацавейку и воинственно засучил рукава рубашки.

– Уговор, – предупредил Миша, – двое дерутся, третий не мешай.

– Ладно, ладно, слезай!

На крыльце рядом с бабушкой уже стоял дядя Сеня.

Миша спрыгнул с забора.

Петух тут же подступил к нему.

– Это что? – Миша ткнул пальцем в железную пряжку Петькиного пояса.

По правилам во время драки никаких металлических предметов на одежде быть не должно. Петух снял ремень. Его широкие, видно, отцовские, брюки чуть не упали. Он

подхватил их рукой, кто-то подал ему веревку. Миша в это время расталкивал ребят: «Давай побольше места!..» – и вдруг, отпихнув одного из мальчиков, бросился бежать.

Мальчишки с гиком и свистом кинулись за ним, а сзади всех, чуть не плача от огорчения, бежал Петух, придерживая рукой падающие штаны.

Миша неся во всю прыть. Босые его пятки сверкали на солнце. Он слышал позади себя топот, сопение и крики преследователей. Вот поворот. Короткий переулок... И он влетел на свою улицу. Ему на выручку бежали алексеевские. Огородные, не принимая драки, вернулись к себе.

– Ты откуда? – спросил рыжий Генка.

Миша перевел дыхание, оглядел всех и небрежно произнес:

– С Огородной. Дрался с Петухом по-честному, а как стала моя брать, они все на одного.

– Ты – с Петухом? – недоверчиво спросил Генка.

– А то кто?! Здоровый он парень, во какой фонарь мне повесил! – Миша потрогал шишку на лбу.

Все с уважением посмотрели на этот синий знак его доблести.

– Я ему тоже всыпал... – продолжал Миша, – запомнит! И рогатку отобрал. – Он вытащил из-за пазухи рогатку с длинными красными резинками. – Получше твоей.

Потом он спрятал рогатку, презрительно посмотрел на девочек, формочками лепивших из песка куличики, и насмеш-

ливо спросил:

– А ты что делаешь? В пряталки играешь, в салочки? «Раз-два-три-четыре-пять, вышел зайчик погулять...»

– Вот еще! – Генка тряхнул рыжими вихрами. – Давай в ножички.

– На пять горячих со смазкой.

– Ладно.

Они уселись на деревянный тротуар и начали по очереди втыкать в землю перочинный ножик: просто, с ладони, броском, через плечо, солдатиком...

Миша первым закончил все фигуры. Генка протянул ему руку. Миша соорудил зверскую физиономию и поднял вверх два посплывавших пальца. Генке эти секунды кажутся часами, но Миша не ударил. Он опустил руку и сказал: «Смазка просохла», и снова посплывавил пальцы. Это повторялось по нескольку раз перед каждым ударом, пока Миша не вклеил наконец Генке все пять горячих, и Генка, скрывая выступившие на глазах слезы, дул на посиневшую и ноющую руку.

Солнце поднималось все выше. Тени укорачивались и прижимались к палисадникам. Улица лежала полумертвая, едва дыша от неподвижного зноя. Жарко. Надо искупаться.

Мальчики отправились на Десну.

Узкая, в затвердевших колеях дорога вилась полями, уходившими во все стороны зелено-желтыми квадратами. Квадраты спускались в ложбины, поднимались на пригорки, по-

степенно закруглялись, как бы двигаясь вдаль по правильной кривой, неся на себе рощи, одинокие овины, задумчивые облака.

Пшеница стояла высокая, неподвижная. Мальчики рвали колосья и жевали зерна, ожесточенно сплевывая пристающую к небу шелуху. В пшенице что-то шелестело. Испуганные птицы вылетали из-под ног.

Вот и река. Приятели разделись на песчаном берегу и бросились в воду, поднимая фонтаны брызг. Они плавали, ныряли, боролись, прыгали с шаткого деревянного моста, потом вылезли на берег и зарылись в горячий песок.

– А в Москве есть река? – спросил Генка.

– Есть. Москва-река. Я тебе уже тысячу раз говорил.

– Так по городу и течет? Как же в ней купаются?

– Очень просто: в трусиках. Без трусов тебя к Москве-реке за версту не подпустят. Специально конная милиция смотрит.

Генка недоверчиво ухмыльнулся.

– Чего ты ухмыляешься? – рассердился Миша. – Ты, кроме своего Ревска, не видал ничего, а ухмыляешься!

Глядя на приближающийся к реке табун лошадей, он спросил:

– Какая самая маленькая лошадь?

– Жеребенок, – не задумываясь ответил Генка.

– Вот и не знаешь! Самая маленькая лошадь – пони. Есть английские пони, они – с собаку, а японский пони – вовсе

с кошку.

– Врешь!

– Я вру? Если бы ты хоть раз был в цирке, то не спорил бы. Ведь не был? Скажи: не был?.. Ну вот, а споришь!

Генка помолчал, потом сказал:

– Такая лошадь ни к чему: ее ни в кавалерию, никуда.

– При чем тут кавалерия? Думаешь, только на лошадях воюют? Если хочешь знать, один матрос уложит трех кавалеристов.

– Я про матросов ничего не говорю, – сказал Генка, – а без кавалерии никак нельзя. Вот банда Никитского – все на лошадях.

– Подумаешь, «банда Никитского»!.. – Миша презрительно скривил губы. – Скоро Полевой поймает этого Никитского.

– Не так-то просто, – возразил Генка, – его уж год все ловят, никак не поймают.

– Поймают!

– Тебе хорошо говорить, а он крушения устраивает. Отец уж боится поезда водить.

– Ничего, поймают.

Миша зевнул, зарылся глубже в песок и задремал. Генка тоже дремлет. Им лень спорить: жарко.

Солнце обжигает степь, и, спасаясь от него, молчаливая степь лениво утягивается за горизонт.

Глава 3

Дела и мечты

Генка ушел домой обедать, а Миша бродил по горластому украинскому базару.

На возах зеленеют огурцы, краснеют помидоры, громоздятся решета с ягодами. Пронзительно визжат розовые поросята, хлопают белыми крыльями гуси. Флегматичные волюжуют свою бесконечную жвачку и пускают до земли длинные липкие слюни. Миша ходил по базару и вспоминал кислый московский хлеб и водянистое молоко, выменянное на картофельную шелуху. И он скучал по Москве, по ее трамваям и вечерним тусклым огням.

Миша остановился перед инвалидом, катавшим по скамейке три шарика: красный, белый и черный. Инвалид накрывал один из них наперстком. Партнер, отгадавший, какого цвета шарик под наперстком, выигрывал. Но никто не мог отгадать, и инвалид говорил одураченным:

– Ежели я всем буду проигрывать, то последнюю ногу проиграю. Понимать надо.

Миша разглядывал шарики, как вдруг чья-то рука опустилась на его плечо. Он обернулся. Сзади стояла бабушка.

– Ты где пропадал целый день? – строго спросила она, не выпуская Мишиного плеча из своих цепких пальцев.

– Купался, – пробормотал Миша.

– «Купался»! Хорошо, мы с тобой дома поговорим. Она взвалила на него корзину с покупками, и они пошли с базара.

Бабушка шла молча. От нее пахло луком, чесноком, чем-то жареным, вареным, как пахнет на кухне.

«Что они со мной сделают?» – думал Миша, шагая рядом с бабушкой. Конечно, положение его неважное. Против него – бабушка и дядя Сеня. За него – дедушка и Полевой. А если Полевого нет дома? Остаётся один дедушка. А вдруг дедушка спит? Значит, никого не остаётся. И тогда бабушка с дядей Сеней будут отчитывать его по очереди. Дядя Сеня отчитывает, бабушка отдыхает. Потом отчитывает бабушка, а отдыхает дядя Сеня.

Чего только они не наговорят! Он-де невоспитанный, ничего путного из него не выйдет. Он позор семьи. Он несчастье матери, которую если не свел, то в ближайшие дни сведет в могилу. (А мама живет в Москве, и он ее уже не видел два месяца.) И удивительно, как это его земля носит... И все в таком роде...

Придя домой, Миша внес корзину на кухню и пошел в столовую. Дедушка сидел у окна. Дядя Сеня лежал на диване и, дымя папиросой, рассуждал о политике. Они даже не взглянули на Мишу. Это нарочно! Мол, такой он ничтожный человек, что на него и смотреть не стоит. Специально, чтобы помучить. Ну и пожалуйста, тем лучше. Пока дядя Сеня соберется, там, глядишь, и Полевой придет. Миша сел на стул и прислушался к их разговору.

Ясно! Дядя Сеня наводит панику. Махно занял несколько городов, Антонов подошел к Тамбову... Подумаешь! В прошлом году поляки заняли Киев, Врангель прорвался к Донбассу... Ну и что же? Всех их Красная армия расколошматил. До них были Деникин, Колчак, Юденич и другие белые генералы. Их тоже Красная армия разбила! И этих разобьет.

С Махно и Антонова дядя Сеня перешел на Никитского.

— Его нельзя назвать бандитом, — говорил дядя Сеня, расстегивая ворот своей студенческой тужурки. — К тому же, говорят, он культурный человек, в прошлом офицер флота. Это партизанская война, одинаково законная для обеих сторон.

Никитский не бандит? Миша чуть не задохнулся от возмущения. Он сжигает села, убивает коммунистов, комсомольцев, рабочих. И это не бандит? Противно слушать, что дядя Сеня болтает!

Наконец пришел Полевой. Теперь всё! Раньше чем завтра с Мишей расправляться не будут.

Полевой снял куртку, умылся, и все сели ужинать. Полевой хохотал, называл дедушку папашей, а бабушку — мамашей, лукаво подмигивал Мише. Потом они вышли на улицу и уселись на ступеньках крыльца.

Прохладный вечер опускался на землю. Обрывки девичьих песен доносились издалека. Где-то на огородах неуто-мимо лаяли собаки.

Дымя махоркой, Полевой рассказывал о дальних плава-

ниях и матросских бунтах, о крейсерах и подводных лодках, об Иване Поддубном и других знаменитых борцах в черных, красных и зеленых масках – силачах, поднимавших трех лошадей с повозками по десяти человек в каждой.

Миша молчал, пораженный. Черные ряды деревянных домиков робко мигали красноватыми огоньками и трусливо прижимались к молчаливой улице.

И еще Полевой рассказал о линкоре «Императрица Мария», на котором он плавал во время мировой войны.

Это был огромный корабль, самый мощный броненосец Черноморского флота. Спущенный на воду в июне пятнадцатого года, он в октябре шестнадцатого взорвался на севастопольском рейде, в полумиле от берега.

– Темная история, – говорил Полевой. – Не на mine взорвался, не от торпеды, а сам по себе. Первым грохнул пороховой погреб первой башни, а там три тысячи пудов пороха. И пошло... Через час корабль был под водой. Из всей команды меньше половины спаслись, да и те погоревшие и искалеченные.

– Кто же его взорвал? – спросил Миша.

Полевой пожал широкими плечами:

– Разбирались в этом деле много, да все без толку, а тут революция... С царских адмиралов нужно спросить.

– Сергей Иванович, а кто главней: царь или король? Полевой сплюнул коричневую махорочную слюну.

– Один другого стоит.

– А в других странах есть еще цари?

– Есть кой-где.

«Спросить о кортике? – подумал Миша. – Нет, не надо. Еще подумает, что я нарочно следил за ним...»

Потом все ложились спать. Бабушка обходила дом, закрывала ставни. Предостерегающе звенели железные затворы. В столовой тушили висячую керосиновую лампу. Кружившиеся вокруг нее бабочки и неведомые мошки пропадали в темноте.

Миша долго не засыпал.

Луна разматывала свои бледные нити в прорезях ставен, и вот в кухне, за печкой, начинал стрекотать сверчок.

В Москве у них не было сверчка. Да и что стал бы делать сверчок в большой, шумной квартире, где по ночам ходят люди, хлопают дверьми и щелкают электрическими выключателями! Поэтому Миша слышал сверчка только в тихом дедушкином доме, когда он лежал один в темной комнате и мечтал.

Хорошо, если бы Полевой подарил ему кортик! Тогда он не будет безоружным, как сейчас. А времена тревожные – Гражданская война. По городам и селам гуляют банды, свистят пули. Патрули местной самообороны ходят ночью по улицам. У них ружья без патронов, старые ружья с заржавленными затворами.

Миша мечтал о будущем, когда он станет высоким и сильным, будет носить брюки клеш или, еще лучше, обмотки,

шикарные солдатские обмотки защитного цвета.

У него винтовка, гранаты, пулеметные ленты и наган на кожаной хрустящей портупее. И еще вороной, замечательно пахнущий конь, тонконогий, быстроглазый, с мощным крупом, короткой шеей и скользкой шерстью. И он, Миша, поймает Никитского и разгонит всю его банду.

Потом он и Полевой отправятся на фронт, будут вместе воевать, и, спасая Полевого, он совершит геройский поступок. И его убьют. Полевой останется один, будет всю жизнь грустить о Мише, но другого такого мальчика он уже не встретит...

Затем кто-то черный и молчаливый тасовал его мысли, как карты, и они путались и пропадали в темноте...

Миша засыпал.

Глава 4

Наказание

Это наказание придумал, конечно, дядя Сеня. И самое обидное – дедушка с ним заодно.

За завтраком дедушка посмотрел на Мишу и сказал:

– Набегался вчера? Вот и хорошо. Теперь на неделю хватит. Сегодня придется посидеть дома.

Весь день сидеть дома! Сегодня! В воскресенье! Ребята пойдут в лес, может быть, в лодке поедут на остров, а он... Миша скривил губы и уткнулся в тарелку.

– Надулся, как мышь на крупу, – сказала бабушка. – Научился шkodить...

– Хватит, – перебил ее дедушка, вставая из-за стола. – Он свое получил, и хватит.

Миша уныло слонялся по комнатам. Какой, право, скучный дом!

Стены столовой расписаны масляной краской, она потускнела местами и потрескалась: пузатое голубое море под огромной белой чайкой; ветвистые олени меж прямых, как палки, сосен; одноногие цапли; бородатые охотники в болотных сапогах, с ружьями, патронташами, перьями на шляпах и умные собаки, обнюхивавшие землю.

Над диваном – портреты дедушки и бабушки в молодости. У дедушки густые усы, бритый подбородок упирается в накрахмаленный воротничок с отогнутыми углами. Бабушка – в закрытом черном платье, с медальоном на длинной цепочке. Ее высокая прическа доходит до самой рамы.

Миша вышел во двор. Два дровокола пилили там дрова. Пила весело звенела: дзинь-дзинь, дзинь-дзинь; земля вокруг козел быстро покрывалась желтой пеленой опилок.

Миша уселся на бревно возле будки и разглядывал дровоколов. Старшему на вид лет сорок. Он среднего роста, плотный, чернявый, с прилипшими к потному лбу курчавыми волосами. Второй – молодой белобрысый парень с веснушчатым лицом и выгоревшими бровями, какой-то рыхлый и нескладный.

Стараясь не привлекать их внимания, Миша засунул руку под будку и нащупал сверток. Вытащить? Он искоса посмотрел на пильщиков. Они прервали работу и сидели на поленьях. Старший свернул козью ножку, ловко вращая ее вокруг пальца, и, насыпав с ладони табак, закурил. Молодой задремал, потом открыл глаза и, зевая, проговорил:

– Спать охота!

– Спать захочешь – на бороне уснешь, – ответил старший.

Они замолчали. Во дворе стало тихо. Только куры, выбивая мелкую дробь в деревянной лоханке, пили воду, смешно закидывая вверх свои маленькие, с красными гребешками головки.

Дровоколы поднялись и начали колоть дрова. Миша незаметно вытащил сверток, развернул его. Рассматривая клинок, он увидел на одной его грани едва заметное изображение волка. На второй – скорпиона, на третьей – лилии.

Волк, скорпион и лилия...

Что это значит?

Около Миши вдруг упало полено. Он испуганно прижал кортик к груди и прикрыл его рукой.

– Отойди, малыш, а то зашибет, – сказал чернявый.

– Малышей здесь нет! – ответил Миша.

– Шустрый! – сказал чернявый. – Ты кто? Комиссаров сынок?

– Какого комиссара?

– Полевого.

– Нет, он живет у нас.

– Дома он? – Чернявый опустил топор.

– Нет. Он к обеду приходит. Он вам нужен?

– Да нет. Мы так...

Дровоколы кончили работу. Бабушка вынесла им на тарелке хлеб, сало и водку. Они выпили. Белобрысый – молча, а чернявый со словами: «Ну, господи благослови», потом долго морщился, нюхал хлеб и в заключение крикнул: «Эх, хороша!» – и почему-то подмигнул Мише.

Они не спеша закусывали, отрезая сало аккуратными ломтиками, обгрызая и высасывая шкурку. Потом выпили по ковшу воды и ушли.

Но бабушка не уходила. Она установила на треножнике большой медный таз с длинной деревянной ручкой, подложила под него щепок и огородила от ветра кирпичами. Сейчас будет варить варенье и уже не уйдет со двора. Как быть с кортиком? Миша встал и, пряча кортик в рукаве, пошел к дому.

– Не шуми: дедушка спит, – предупредила бабушка.

– Я тихо, – ответил Миша.

Он вошел в зал и спрятал кортик под валик дивана. Как только бабушка уйдет со двора, он положит его обратно под будку. В крайнем случае – вечером, когда стемнеет.

В доме тишина. Только тикают большие настенные часы да жужжит муха на окне. Чем бы заняться?

Миша подошел к комнате дяди Сени. За дверью слыша-

лись покашливание, шелест бумаги. Миша открыл дверь:

– Дядя Сеня, почему моряки носят кортики?

Дядя Сеня лежал на узкой смятой койке и читал. Он посмотрел на Мишу поверх пенсне:

– Какие моряки? Какие кортики?

– Как это «какие»? Ведь только моряки носят кортики. Почему? – Миша уселся на стуле с твердым намерением не уходить до самого обеда.

– Не знаю, – нетерпеливо ответил дядя Сеня. – Форма такая... Все у тебя?

Этот вопрос означал, что Мише надо убираться вон.

– Разрешите, я немного посижу? Я буду тихо-тихо.

– Только не мешай. – Дядя Сеня снова углубился в книгу.

Маленькая комната у дяди Сени: кровать, книжный шкаф, на письменном столе чернильница в виде пистолета. Если нажать курок, она открывается. Хорошо иметь такую чернильницу! Вот бы ребята в школе позавидовали!

На стенах комнаты развешаны картины и портреты. Вот Некрасов. На школьных вечерах Шурка Большой всегда декламирует Некрасова. Выйдет на сцену и говорит: “Кому на Руси жить хорошо”. Сочинение Некрасова». Как будто без него не знают, что это сочинил Некрасов.

Рядом с портретом Некрасова – картина «Не ждали». Каторжанин неожиданно приходит домой. Все ошеломлены. Дочь удивленно повернула голову. Она, наверное, забыла отца. Вот его, Мишин, отец уже не вернется. Он погиб на цар-

ской каторге, и Миша его не помнит.

Сколько книг у дяди Сени! В шкафу, на шкафу, под кроватью, на столе. А почитать ничего не дает. Как будто Миша не умеет обращаться с книгами. У него в Москве своя библиотека есть. Один «Мир приключений» чего стоит!

Дядя Сеня продолжал читать, не обращая на Мишу внимания. Когда Миша выходил из комнаты, даже не посмотрел на него.

Какая скука! Хоть бы обед поскорей или варенье поспело бы! Уж пенки-то, наверное, ему достанутся. Миша подошел к окну. Большая зеленая муха с серыми крылышками то затихала, ползая по стеклу, то с громким жужжанием билась об него. Вот что! Нужно потренировать свою волю: он будет смотреть на муху и заставит себя не трогать ее.

Миша некоторое время следил за мухой. Разжужжалась! Так она, пожалуй, дедушку разбудит. Нет! Он заставит себя поймать муху, но не убьет ее, а выпустит на улицу.

Поймать муху на стекле проще простого. Раз! – и она у него в кулаке. Он осторожно разжал кулак и вытащил муху за крылышко. Она билась, пытаясь вырваться. Не уйдешь!

Миша открыл окно и задумался. Жалко выпускать муху. Только зря ловил ее. И вообще мухи распространяют заразу... Он размышлял о том, заставить ли себя выпустить муху или, наоборот, заставить себя убить ее, как вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд. Он поднял голову. Напротив стоял Генка и ухмылялся:

– Здорóво, Миша!
– Здравствуй.
– Много ты мух наловил?
– Сколько надо, столько и наловил.
– Почему на улицу не идешь?
– Не хочу.
– Врешь: не пускают.
– Много ты знаешь! Захочу – и выйду.
– Ну, захоти, захоти!
– А я не хочу захотеть.
– Не хочешь! – Генка рассмеялся. – Скажи: не можешь.
– Не могу?
– Не можешь!
– Ах, так! – Миша влез на подоконник, соскочил на улицу и очутился рядом с Генкой. – Что, съел?
Но Генка не успел ответить. В окне появилась бабушка:
– Миша, домой сейчас же!
– Бежим! – прошептал Миша.
Они помчались по улице, юркнули в чей-то двор, пробрались в Генкин сад и спрятались в шалаше.

Глава 5

Шалаш

Генкин шалаш устроен из досок, веток и листьев, меж трех деревьев, на высоте полутора-двух саженей. Он незаме-

тен снизу, но из него виден весь Ревск, вокзал, Десна и дорога, ведущая в деревню Носовку. В нем прохладно, пахнет сосной и листва чуть дрожит под уходящими лучами июльского солнца.

– Как теперь домой пойдешь? – спросил Генка. – Попадет тебе от бабушки.

– Я домой вовсе не пойду, – объявил Миша.

– Как так?

– Очень просто. Зачем мне? Завтра Полевой пойдет банду Никитского ликвидировать и меня возьмет. Нужно обязательно банду ликвидировать.

Генка расхохотался:

– Кем же ты будешь в отряде? Отставной козы барабанщиком?

– Смейся, смейся, – ответил Миша. – Меня Полевой разведчиком берет, велел еще ребят подобрать, но... – он с сожалением посмотрел на Генку, – нет у нас подходящих. – Миша вздохнул. – Придется уж, видно, одному.

Генка просительно заглянул ему в глаза.

– Ну ладно, – снисходительно произнес Миша, – притащи чего-нибудь поесть, и мы подумаем. Только смотри никому ни слова, это секрет.

– Ура! – закричал Генка. – Даешь разведку!

– Ну вот, – рассердился Миша, – ты уже орешь, разглашаешь тайну.

– Не буду, не буду! – зашептал Генка, сполз с дерева и

исчез в саду.

В ожидании Генки Миша растянулся на дощатом полу шалаша и уткнул подбородок в кулаки. Что теперь делать? Не ночевать же на улице... Он вспомнил о кортике. Еще, пожалуй, кто-нибудь наткнется на него. Вот будет история!

Сквозь листву виден сад, низкорослые яблони, ветвистые груши, кусты малины, крыжовника. Почему на разных деревьях растут разные плоды? Ведь все это растет рядом, на одной земле.

На Мишиной руке появилась божья коровка, кругленькая, с твердым красным тельцем и черной точкой головы. Миша осторожно снял ее, положил на ладонь и произнес:

– Божья коровка, улети на небо, принеси нам хлеба.

Она раскрыла тонкие крылышки и улетела.

Жужжит оса. Она делает круги над Мишей и, смолкнув, садится ему на ногу. Ужалит или нет? Если не шевелиться, не ужалит. Миша лежит неподвижно. Оса некоторое время ползет по его ноге и с жужжанием улетает.

Незаметный, но огромный живой мир копошится вокруг.

Муравей тащит хвоинку, и рядом с ним движется маленькая угловатая тень. Вон скачет по траве кузнечик на длинных, согнутых, точно сломанных посередине, ножках. На садовой дорожке неуклюже, боком, прыгает воробей. А за ним полусонными, жмурящимися, но внимательными глазами наблюдает кот, дремлющий на ступеньке беседки. Ветер, пробегая, колышет запах травы, аромат цветов, благоухание

яблонь. Приятная истома охватывает Мишу. Он дремлет и забывает о неприятностях сегодняшнего дня.

В шалаш, запыхавшись, вскарабкался Генка. У него за пазухой большой кусок теплой, еще не доваренной говядины.

– Вот, гляди, – зашептал он, – прямо из кастрюли вытащил. Там суп варился.

– С ума сошел! – ужаснулся Миша. – Ты же всех без обеда оставил.

– Ну и что ж! – Генка молодецки тряхнул головой. – Я ведь в разведчики ухожу. Пусть варят другую говядину... – и самодовольно захихикал.

Миша жевал мясо, разрывая его зубами и руками. Ну и шляпа Генка! Влетит ему от отца. Папаша у него сердитый – высокий, худой машинист с седыми усами. И мама у него не родная, а мачеха.

– Знаешь новость? – спросил Генка.

– Какую?

– Так я тебе и сказал!

– Дело твое. Только какой же из тебя разведчик? Там ты тоже будешь все от меня скрывать?

Угроза, скрытая в Мишиных словах, подействовала на Генку. Теперь, после похищения мяса, у него одна дорога – в разведчики. Значит, надо подчиняться.

– Сейчас у нас был один мужик из Носовки, говорит, что банда Никитского совсем близко.

– Ну и что же? – яростно разжевывая мясо, спросил Ми-

ша.

– Как – что? Они могут напасть на Ревск.

Миша расхохотался:

– И ты поверил? Эх ты, а еще разведчик!

– А что? – смутился Генка.

– Никитский теперь возле Чернигова. На нас он никак не может напасть, потому что у нас гарнизон. Понятно? Гар-ни-зон.

– Что такое гарнизон?

– Гарнизон не знаешь? Это... как бы тебе сказать... это...

– Тише! Слышишь? – прошептал вдруг Генка. Миша перестал жевать и прислушался. Где-то за домами раздавались выстрелы и тонули в синем куполе неба. Завыл на станции гудок. Торопясь и захлебываясь, затараторил пулемет. Мальчики испуганно притаились, потом раздвинули листву и выглянули из шалаша.

Дорога на Носовку была покрыта облаками пыли, на станции шла стрельба, и через несколько минут по опустевшей улице с гиком и нагаечным свистом пронеслись всадники в барашковых шапках с красным верхом. В город ворвались белые.

Глава 6

Налет

Миша спрятался у Генки, а когда выстрелы прекратились,

выглянул на улицу и побежал домой, прижимаясь к палисадникам. На крыльце он увидел дедушку, растерянного, бледного. Возле дома храпели взмыленные лошади под казацкими седлами.

Миша вбежал в дом и замер. В столовой шла отчаянная борьба между Полевым и бандитами. Человек шесть повисло на нем. Полевой яростно отбивался, но они повалили его, и живой клубок тел катался по полу, опрокидывая мебель, волоча за собой скатерти, половики, сорванные занавески. И только один белогвардеец, видимо главный, стоял у окна. Он был неподвижен, только взгляд его неотрывно следил за Полевым.

Миша забился в кучу висевшего на вешалке платья. Сердце его колотилось. Сейчас Полевой встанет, двинет плечами и разбросает всех. Но Полевой не вставал. Все слабее становились его бешеные усилия сбросить с себя бандитов. Наконец его подняли и, выкрутив назад руки, подвели к стоявшему у окна белогвардейцу. Полевой тяжело дышал. Кровь запеклась в его русых волосах. Он стоял босиком, в тельняшке. Его, видно, захватили спящим. Бандиты были вооружены короткими винтовками, наганами, шашками; их кованые сапоги гремели по полу.

Белогвардеец не сводил с Полевого немигающего взгляда. Черный чуб свисал из-под заломленной папахи. В комнате стало тихо, только слышалось тяжелое дыхание людей и равнодушное тиканье часов.

– Кортик! – произнес вдруг белогвардеец резким, глухим голосом. – Кортик! – повторил он, и глаза его, уставившиеся на Полевого, округлились.

Полевой молчал. Он тяжело дышал и медленно поводил плечами. Белогвардеец шагнул к нему, поднял нагайку и наотмашь ударил Полевого по лицу. Миша вздрогнул и зажмурил глаза.

– Забыл Никитского? Я тебе напомним! – крикнул белогвардеец.

Так вот он какой, Никитский! Вот от кого прятал кортик Полевой!

– Слушай, Полевой, – неожиданно спокойно сказал Никитский, – никуда ты не денешься. Отдай кортик и убирайся на все четыре стороны. Нет – повешу!

Полевой молчал.

– Хорошо, – сказал Никитский. – Значит, так? – Он кивнул двум бандитам.

Те вошли в комнату Полевого. Миша узнал их: это были мужики, которые кололи у них дрова. Они всё переворачивали, бросали на пол, прикладами разбили дверцу шкафа, ножами протыкали подушки, выгребали золу из печей, отрывали плинтусы. Сейчас они пойдут в Мишину комнату... Преодолев оцепенение, Миша выбрался из своего убежища и проскользнул в зал.

В темноте на потертом плюше дивана, под валиком, Миша нащупал холодную сталь кортика. Он вытащил его и спрятал

в рукав, крепко зажав в кулаке рукоятку кортика.

Обыск продолжался. Полевой стоял, наклонившись вперед, с выкрученными назад руками. Вдруг на улице раздался конский топот. На крыльце послышались чьи-то быстрые шаги. В дом вошел еще один белогвардеец, подошел к Никитскому и что-то тихо сказал ему.

Никитский секунду молчал, потом нагайка взметнулась:
– На коней!

Полевого потащили к сеням. И вот, когда Полевой переступал порог, Миша нащупал его руку и разжал кулак. Рукоятка коснулась ладони Полевого. Он притянул кортик к себе и вдруг взмахнул рукой и ударил переднего конвоира в шею. Миша бросился под ноги второму, тот упал на Мишу, а Полевой прыгнул из сеней в темноту ночи...

Но Миша не знал, удалось скрыться Полевому или нет. Удар нагана обрушился на его голову.

Глава 7

Мама

Миша лежал в кровати, прислушиваясь к отдаленным звукам улицы, доходившим до него сквозь чуть колеблющиеся занавески.

Идут люди. Слышны их шаги по деревянному тротуару и звучная украинская речь... Скрипит телега... Мальчик катит колесо, подгоняя его палочкой. Колесо катится тихо,

лишь постукивает на стыке...

Миша слышал все это сквозь какой-то туман, и звуки эти мешались с короткими, быстро забываемыми снами. Полевой... Белогвардейцы... Ночь, скрывшая Полевого... Никитский... Кортик... Кровь на лице Полевого и на его, Мишином, лице... Теплая, липкая кровь...

Дедушка рассказал ему, как было дело. Отряд железнодорожников окружил поселок, и не всем бандитам удалось умчаться на своих быстрых конях. Но Никитский улизнул. Полевого в перестрелке ранили, он лежит теперь в стационарной больнице.

Дедушка потрепал Мишу по голове и сказал:

– Эх ты, герой!

А какой он герой? Вот если бы он перестрелял бандитов и Никитского взял в плен, тогда другое дело.

Интересно, как встретит его Полевой. Наверное, хлопнет по плечу и скажет: «Ну, Михаил Григорьевич, как дела?». Может быть, подарит ему револьвер с портупеей, и они оба пойдут по улице, вооруженные и забинтованные, как настоящие солдаты. Пусть ребята посмотрят!

В комнату вошла мама. Она приехала из Москвы, вызванная телеграммой. Она оправила постель, убрала со стола тарелку, хлеб, смахнула крошки.

– Мама, – спросил Миша, – кино у нас в доме работает?

– Работает.

– Какая картина идет?

– Не помню. Лежи спокойно.

– Я лежу спокойно. Звонок у нас починили?

– Починили.

– Ты кого видела? Славку видела?

– Видела.

– А Шурку Большого?

– Видела, видела... Молчи, прошу тебя!

Эх, жалко, что он поедет в Москву без бинтов! Вот бы ребята позавидовали! А если не снимать бинтов? Так забинтованному и ехать! Красота! Умываться бы не пришлось...

– Мама, сколько я буду лежать?

– Пока не выздоровеешь.

– Я себя чувствую совсем хорошо. Пусти меня на улицу.

– Нельзя.

«Жалко ей, – мрачно думает Миша. – Лежи тут! Вот возьми и убеги». Он представлял себе, как мама войдет в комнату, а его уже нет. Она будет плакать, убиваться, но ничто не поможет, она никогда уже его не увидит.

Миша искоса поглядел на мать. Она шила, склонив голову, изредка откусывая нитку.

Тяжело ей придется без него! Придет со службы домой, а дома никого нет. В комнате пусто, темно. Весь вечер будет сидеть и думать о Мише. Жалко ее все-таки...

Она такая худенькая, молчаливая, с серыми лучистыми глазами, такая неутомимая и работающая. Она поздно приходит с фабрики домой. Готовит обед. Убирает комнату. Сти-

рает Мише рубашки, штопает чулки, помогает ему готовить уроки, а он ленится наколоть дров, сходить в очередь за хлебом или разогреть обед.

Милая, славная мамочка! Как часто он огорчает ее, не слушается, плохо ведет себя в школе! Маму вызывали туда, и она упрашивала директора простить Мишу. Сколько он перепортил вещей, истрепал книг, порвал одежды! Она терпеливо штопает, шьет, а он стыдится ходить с ней по улице, «как маленький». Он никогда ее не целует – ведь это «телячьи нежности». Вот и сегодня он придумывает, какое горе причинить ей, а она все бросила, целую неделю моталась по теплушкам, тащила для него вещи и теперь не отходит от его постели.

Миша прикрыл глаза. В комнате почти совсем темно. Только маленький уголок, там, где сидит мама, освещен золотистым светом догорающего дня. Мама шьет, наклонив голову, и тихо поет:

Как дело измены, как совесть тирана,
Осенняя ночка темна.
Темней этой ночи встает из тумана
Видением мрачным тюрьма.

И протяжное, тоскливое, как стон «слу-у-шай...». Это поет узник, молодой, с прекрасным лицом.

Он держится руками за решетку и смотрит на сияющий и недоступный мир.

Мама все поет и поет. Миша открыл глаза. Теперь смутно видно в темноте ее бледное лицо. Песня сменяет песню, и все они заунывные и печальные.

Миша вдруг разрыдался. И когда мама наклонилась к нему: «Мишенька, родной, что с тобой?» — он обхватил ее шею, притянул к себе и, уткнув лицо в теплую, знакомо пахнущую кофточку, прошептал:

— Мамочка, дорогая, я так тебя люблю!..

Глава 8

Посетители

Миша поправлялся. Часть бинтов уже сняли, и только на голове еще белела повязка. Он ненадолго вставал, сидел на кровати, и наконец к нему впустили друга-приятеля Генку. Генка робко остановился в дверях. Миша скосил глаза и слабым голосом произнес:

— Садись.

Генка осторожно сел на краешек стула, открыл рот, выпучил глаза и, тщетно пытаясь спрятать под стул свои грязные ноги, уставился на Мишу.

Миша лежал на спине, устремив глаза в потолок. Лицо его выражало страдание. Изредка он касался рукой повязки на голове — не потому, что голова болела, а чтобы Генка обратил внимание на его бинты.

Наконец Генка набрался храбрости и спросил:

– Плохо тебе?

– Хорошо, – тихо ответил Миша, но глубоким вздохом показал, что на самом деле ему очень нехорошо, но он геройски переносит страшные муки.

Потом Генка спросил:

– В Москву уезжаешь?

– Да. – Миша опять вздохнул.

– Говорят, с эшелоном Полевого.

– Ну? – Миша поднялся и сел на кровати. – Откуда ты знаешь?

– Слыхал.

Они помолчали, потом Миша посмотрел на Генку:

– А ты как, решил?

– Чего?

– Поедешь в Москву?

Генка мотнул головой:

– Знаешь ведь, отец не пускает.

– Но тетка твоя, Агриппина Тихоновна, сколько раз тебя звала! Поедем, будем в одном доме жить.

– Говорю тебе, отец не пускает. – Генка вздохнул. – И тетя Нюра тоже...

– Тетя Нюра тебе не родная.

– Она хорошая, – мотнул головой Генка.

– Агриппина Тихоновна еще лучше.

– Как же я поеду?

– Очень просто: в ящике под вагоном. Ты туда спрячешь-

ся, а как отъедем от Ревска, выйдешь и поедешь с нами.

– А если отец поведет поезд?

– Вылезешь в Бахмаче, когда паровоз сменят.

– Что я в Москве буду делать?

– Что хочешь! Хочешь – учись, хочешь – поступай на завод токарем.

– Как это – токарем? Я ведь не умею.

– Научишься. Подумай. Я тебе серьезно говорю.

– Про разведчиков ты тоже серьезно говорил, а мне за мясо так попало, что я до сих пор помню.

– Разве я виноват, что Никитский напал на Ревск? А то обязательно пошли бы в разведку. Мы, как в Москву приедем, запишемся в добровольцы и поедем на фронт белых бить. Поедешь?

– Куда?

– Сначала в Москву, а потом на фронт – белых бить.

– Если белых бить, то, пожалуй, можно, – уклончиво ответил Генка.

Генка ушел. Миша лежал один и думал о Полевом. Почему он не приходит? Что особенного в этом кортике? На рукоятке бронзовая змейка, на клинке – волк, скорпион и лилия. Что это значит?

Его размышления прервал дядя Сеня. Он вошел в комнату, снял пенсне. Глазки у него без пенсне маленькие, красные, как бы испуганные. Потом он водрузил пенсне на нос и спросил:

– Как ты себя чувствуешь, Михаил?

– Хорошо. Я уже могу встать.

– Нет, нет, ты, пожалуйста, лежи, – забеспокоился дядя Сеня, когда Миша попытался подняться, – пожалуйста, лежи! – Он постоял, затем прошелся по комнате, снова остановился. – Михаил, я хочу с тобой поговорить.

«Неужели о камере?» – подумал Миша.

– Я надеюсь, что ты, как достаточно взрослый человек...
гм... так сказать... способен меня понять и сделать из моих слов полезные выводы.

Ну, началось!

– Так вот, – продолжал дядя Сеня, – последний случай, имевший для тебя столь печальные последствия, я рассматриваю не как шалость, а как... преждевременное вступление в политическую борьбу.

– Чего? – Миша удивленно уставился на дядю Сеню.

– На твоих глазах происходит акт политической борьбы, а ты, человек молодой, еще не оформившийся, принял участие в этом акте. И напрасно.

– Как?! – изумился Миша. – Бандиты будут убивать Полевого, а я должен молчать? Так, по-вашему?

– Как благородный человек, ты должен, конечно, защищать всякого пострадавшего, но это в том случае, если, допустим, Полевой идет и на него напали грабители. Но в данном случае этого нет. Происходит борьба между красными и белыми, и ты еще слишком мал, чтобы вмешиваться в по-

литику. Твое дело – сторона.

– Сторона?! – заволновался Миша. – Я ж за красных.

– Я не агитирую ни за красных, ни за белых. Но считаю своим долгом предостеречь тебя от участия в политике.

– По-вашему, пусть царствуют буржуи? – Миша лег на спину и натянул одеяло до самого подбородка. – Нет! Как хотите, дядя Сеня, а я не согласен.

– Твоего согласия никто не спрашивает, – рассердился дядя Сеня, – ты слушай, что говорят старшие!

– Вот я и слушаю. Полевой ведь старший. Мой папа тоже был старший. И Ленин старший. Они все против буржуев. И я тоже.

– С тобой невозможно разговаривать! – сказал дядя Сеня и вышел из комнаты.

Глава 9

Линкор «Императрица Мария»

В Ревске становилось все тревожней, и мама торопилась с отъездом.

Миша уже вставал, но на улицу его не пускали. Только разрешили сидеть у окна и смотреть на играющих ребят.

Все относились к нему с уважением. Даже с Огородной улицы пришел Петька Петух, подарил Мише тросточку с вырезанными на ней спиралями, ромбами, квадратами и сказал:

– Ты, пожалуйста, Миша, ходи по нашей улице сколько угодно. Не бойся: мы тебя не тронем.

А Полевой не приходил. Как хорошо было сидеть с ним на крыльце и слушать удивительные истории про моря и океаны, бескрайний движущийся мир... Может быть, самому сходить в больницу? Попросить доктора, и его пропустят...

Но Мише не пришлось идти в больницу: Полевой пришел сам. Еще издали, с улицы, донесся его веселый голос. Мишино сердце замерло. Полевой вошел, одетый в военную форму и сапоги. Он принес с собой солнечную свежесть улицы и ароматы голубого лета. Полевой сел на стул рядом с Мишиной кроватью. Стул под ним жалобно заскрипел. И они оба, Полевой и Миша, смотрели друг на друга и улыбались. Потом Полевой хлопнул рукой по одеялу, весело сощурил глаза и спросил:

– Скоро встанешь?

– Завтра на улицу.

– Вот и хорошо. – Полевой помолчал, потом рассмеялся: – Ловко ты второго-то сбил! Здорово! Молодец! В долгу я перед тобой. Вот приду с фронта – буду рассчитываться.

– С фронта? – Мишин голос задрожал. – Дядя Сережа... Возьмите меня с собой... Я вас очень прошу, пожалуйста.

– Ну что ж, – Полевой помолчал, как бы обдумывая Мишину просьбу, – можно... Поедете с моим эшелоном до Бахмача, а с Бахмача я вас в Москву отправлю. Понял?

– До Бахмача! – разочарованно протянул Миша. – Только

дразниться.

– Не обижайся. – Полевой похлопал его по руке. – Навоюешь еще, успеешь. Скажи лучше: как к тебе кортик попал?

Миша покраснел.

– Не бойся, – засмеялся Полевой, – рассказывай.

– Я случайно его увидел, честное слово. Вынул посмотреть, а тут бабушка! Я его спрятал в диван, а обратно положить не успел.

– Никому про кортик не рассказывал?

– Вот ей-богу!

– Верю, верю, – успокоил его Полевой.

Миша осмелел:

– Дядя Сережа, скажите, почему Никитский ищет этот кортик?

Полевой опять помолчал, потом спросил:

– Помнишь, я тебе рассказывал про линкор «Императрица Мария»?

– Помню.

– Так вот. Никитский служил там же, на линкоре, мичманом. Негодяй был первой статьи, но это к делу не относится. Перед взрывом, минуты так за три, Никитский застрелил одного офицера. Я один это видел. Больше никто. Офицер только к нам прибыл, я и фамилии его не знаю. Я как раз находился возле его каюты. Слышу – спорят. Никитский того офицера называет Владимиром... Вдруг – бац – выстрел!.. Я – в каюту. Офицер на полу лежит, а Никитский вытаски-

вает из чемодана этот самый кортик. Увидел меня – выстрелил... Мимо. Он – за кортик. Сцепились мы. Вдруг – трах! – взрыв, за ним другой, и пошло... Очнулся я на палубе. Кругом дымище, грохот, все рушится, а в руке – кортик. Ножны, значит, остались у Никитского. И сам он пропал.

Полевой помолчал, потом продолжал:

– Провалился я в госпитале, а тут революция, Гражданская война. Смотрю – объявился Никитский главарем банды. Пронюхал, что я в Ревске, и налетел – старые счета свести. На такой риск пошел! Видно, кортик ему и теперь нужен. Только не получит: что врагу на пользу, то нам во вред. А кончится война, разберемся, что к чему.

Полевой встал.

– Заговорился я с тобой! Мамаше передай, чтобы собиралась. Дня через два выступим. Ну, прощай!

Он подержал маленькую Мишину руку в своей большой, подмигнул ему и ушел.

Глава 10

Отъезд

Эшелон стоял на станции. Миша с Генкой бегали его смотреть. Красноармейцы строили в теплушках нары, в вагонах – стойла для лошадей, а под классным вагоном ребята высмотрели большой железный ящик.

– Смотри, Генка, как удобно, – говорил Миша, залезая в

ящик, — тут и спать можно, и что хочешь. Чего ты боишься? Всего одну ночь тебе в нем лежать. А там, пожалуйста, переходи в вагон, а я поеду в ящике.

— Тебе хорошо говорить, а как я сестренку оставлю? — хныкал Генка.

— Подумаешь, сестренку! Ей всего три года, она и не заметит. Зато в Москву попадешь! — Миша причмокнул губами. — Я тебя с ребятами познакомлю. У нас такие ребята! Славка на пианино что хочешь играет, даже в ноты не смотрит. Шурка Огуреев — артист, бороду прилепит, его и не узнаешь. В доме у нас кино, «Арбатский Арс». Шикарное кино! Все картины не меньше чем в трех сериях... А не хочешь, оставайся. И цирка не увидишь, и вообще ничего. Пожалуйста, оставайся.

— Ладно, — решилсЯ Генка, — поеду.

— Вот здорово! — обрадовался Миша. — Из Бахмача напишешь отцу письмо. Так, мол, и так, уехал в Москву, к тете Агриппине Тихоновне. Прошу не беспокоиться. И все в порядке.

Они пошли вдоль эшелона. На одном вагоне мелом написано «Штаб». К стенам вагона прибиты плакаты. Миша принялся объяснять Генке, что на них нарисовано:

— Вот царь, видишь: корона, мантия и нос красный. Этот, в белой рубаше, с нагайкой, — урядник. В очках и соломенной шляпе — меньшевик. А вот эта змея с тремя головами — это Деникин, Колчак и Юденич.

– А это кто? – Генка ткнул пальцем в плакат. На нем был изображен толстяк в черном цилиндре, с отвисшим животом и хищным, крючковатым носом.

Толстяк сидел на мешке с золотом. С его пальцев с длинными ногтями стекала кровь.

– Буржуй, – ответил Миша. – На деньгах сидит. Думает всех за деньги купить.

– А почему написано «Антанта»?

– Это все равно. Антанта – это союз всех буржуев мирового капитала против советской власти. Понял?

– Понял... – неуверенно проговорил Генка. – А почему здесь написано «Интернационал»? – Он показал на прибитый к вагону большой фанерный щит.

На щите был нарисован земной шар, опутанный цепями, и мускулистый рабочий разбивал эти цепи тяжелым молотом.

– Это Интернационал – союз всех рабочих мирового пролетариата, – ответил Миша. – Рабочий, – он показал на рисунок, – это и есть Интернационал. А цепи – Антанта. И когда цепи разобьют, то во всем мире наступит власть рабочих и никаких буржуев больше не будет.

Наступил день отъезда.

Вещи погрузили на телегу. Мама прощалась с дедушкой и бабушкой. Они стояли на крыльце, маленькие, старенькие. Дедушка – в своем потертом сюртуке, бабушка – в засаленном капоте. Она утирала слезы и плаксиво морщила лицо. Дедушка нюхал табак, улыбался влажными глазами и бор-

мотал:

– Все будет хорошо... все будет хорошо.

Миша взгромоздился на чемодан. Телега тронулась. Она громыхала по неровной мостовой, подсакивала, наклонялась то в одну, то в другую сторону.

Когда телега свернула с Алексеевской улицы на Привокзальную, Миша в последний раз увидел маленький деревянный домик с зелеными ставнями и тремя вербами за оградой палисадника. Из-под штукатурки торчали куски дранки и клочья пакли, а в середине, меж двух окон, висела круглая ржавая жестянка с надписью: «Страховое общество “Феникс”. 1872 год».

Глава 11

В эшелоне

Прижавшись лицом к стеклу, Миша смотрел в черную ночь, усеянную светлыми точками звезд и станционных огней. Протяжные гудки и пыхтение паровозов, лязг прицепляемых вагонов, торопливые шаги кондукторов и смазчиков, сновавших вдоль поезда с болтающимися светляками ручных фонарей, наполняли ночь тревогой, неведомой и тоскливой. Миша не отрываясь смотрел в окно, и чем больше прижимался к стеклу, тем ясней вырисовывались предметы в темноте.

Поезд дернулся назад, лязгнул буферами и остановился.

Потом снова дернулся, на этот раз вперед, и, не останавливаясь, пошел, громяхая на стрелках и набирая скорость. Вот уже остались позади станционные огни. Луна вышла из облаков. Серой лентой проносились неподвижные деревья, будки, пустые платформы... Прощай, Ревск!

На следующий день Миша проснулся рано, поезд не двигался. Он вышел из вагона и подошел к ящику.

Эшелон стоял на запасном пути, без паровоза. Безлюдно. Только дремал в тамбуре часовой да стучали копытами лошади в вагонах. Миша поскреб по ящику.

– Генка, вылезай!

Ответа не последовало. Миша постучал. Молчание. Миша залез под вагон – ящик пуст. Где ж Генка? Неужели сбежал вчера домой?

Его размышления прервал звук трубы, проигравшей зорю. Эшелон пробудился и оживил станцию. Из теплушек прыгали бойцы, умывались, забегали дежурные с котелками и чайниками. Запахло кашей. Кто-то кого-то звал, кто-то кого-то ругал. Потом все выстроились вдоль эшелона в два ряда, началась перекличка.

Бойцы были плохо и по-разному обмундированы. В рядах виднелись буденовки, серые солдатские шапки, кавалерийские фуражки, матросские бескозырки, казацкие кубанки. На ногах у одних сапоги, у других – ботинки, валенки, галоши, а кто и вовсе стоял босиком... Солдаты, матросы, рабочие, крестьяне. Старые и молодые, пожилые и совсем

юные.

Миша заглянул в штабной вагон и увидел Генку: он стоял и утирал рукавом слезы. Перед ним за столом сидел молоденький парнишка в заплатанной гимнастерке, перехваченной вдоль и поперек ремнями, в широченных галифе с красным кантом и кожаными леями. Носик у парнишки маленький, а уши большие. Во рту трубка. Он меланхолически сплевывал через стол мимо Генки, который вздрагивал при каждом плевке, будто в него летит пуля.

– Так, – строго говорит парнишка, – значит, как твоя фамилия?

– Петров, – всхлипывает Генка.

– Ага, Петров! А не врешь?

– Не-е-е...

– Смотри у меня!

– Ей-богу, правда! – хнычет Генка.

Опять пауза, посасывание трубки, плевки, и допрос продолжается, причем вопросы и ответы повторяются бесчисленное множество раз.

Генку арестовали! Миша отпрянул от вагона и побежал искать Полевого. Он нашел его возле площадок с орудиями, которые Полевой осматривал вместе с другими командирами.

– Сергей Иванович, – обратился к нему Миша, – там Генку арестовали. Отпустите его, пожалуйста.

– Кто арестовал? Какого Генку? – удивился Полевой.

– Там, в штабе, начальник в синих галифе, молоденький такой.

Все рассмеялись.

– Ай да Степа! – крикнул один из военных.

– Погоди. Разберемся сейчас.

Все влезли в штабной вагон. Парнишка вскочил, приложил руку к сломанному козырьку и, вытянувшись перед Полевым, отрапортовал:

– Дозвольте доложить, товарищ командир. Так что задержан подозрительный преступник. – Он показал на хныкающего Генку. – Признал себя виновным, что фамилию имеет Петров, имя Геннадий, сбежал от родителей в Москву до тетки. Отец – машинист. Оружие при нем обнаружено: три гильзы от патронов. Пойман на месте преступления – в ящике под вагоном, в спящем виде.

Он опустил руку и стоял, маленький, чуть повыше Генки. Сдерживая смех, Полевой строго посмотрел на Генку:

– Зачем под вагон залез?

Генка еще пуще заплакал:

– Дяденька, честное слово, я в Москву, к тетке, пусть Миша скажет!

– Сейчас разберемся... – сказал Полевой. – Ты, Степа, – обратился он к парнишке, – беги до старшины, пусть сюда идет.

– Есть сбегать до старшины, пусть сюда идет! – Степа повернулся кругом и выскочил из вагона.

– А вы марш отсюда! – приказал Полевой мальчишкам.
Генка вылез из вагона. Миша шепотом спросил у Полевого:
го:

– А кто этот парнишка?
– О, брат! – засмеялся Полевой. – Это большой человек.
Степан Иванович Резников, курьер штаба.

Глава 12

Будка обходчика

Вторую неделю стоял эшелон на станции Низковка.
– Бахмач не принимает, не хватает паровозов, – объяснял
Генка. Он считал себя знатоком железнодорожных дел.

Генка ехал теперь в эшелоне на легальном положении.
Отец разыскал его, отодрал и хотел увезти обратно в Ревск.
Но Полевой увел отца Генки к себе в вагон, о чем они там
говорили, неизвестно, но, выйдя оттуда, отец хмуро посмотрел на Генку и объявил, что все будет, «как решит мать».

На другой день он опять приехал из Ревска, привез Генкины вещи и письмо к тете Агриппине Тихоновне. Он долго разговаривал с Генкой, читал ему наставления и уехал, взяв с Мишиной мамы обещание передать Генку тете с рук на руки.

А эшелон все стоял на станции Низковка. Красноармейцы разводили между путями костры, варили в котелках похлебку. По вечерам в черной золе тлели огоньки. В вагонах растягивалась гармошка, дребезжала балалайка, распевались ча-

стушки. Бойцы сидели на разбросанных шпалах, на рельсах или просто на земле, разговаривали о политике, о железнодорожных порядках, о боге, о продовольствии.

Продовольствия не хватало, и вот однажды Миша и Генка отпросились в лес за грибами.

Лес был верстах в пяти. Мальчики вышли рано утром, рассчитывая к вечеру вернуться.

Идти пришлось не пять верст, а больше. Дорогу им объяснили неправильно. Они проплутали целый день, и, когда наконец насобирали грибов и двинулись обратно, уже смеркалось. Пошел дождь, тучи совсем затемнили небо.

«Почему так неравномерно расположены шпалы под рельсами? – думал Миша, шагая рядом с Генкой по железнодорожному полотну. – Один шаг получается большой, другой – маленький. Очень неудобно».

Они пошли по насыпи, бескрайними полями. Изредка далеко-далеко, сквозь пелену дождя, виднелась деревенька и как будто слышалось мычание коров, лай собак, скрипение журавля на колодце – те отдаленные звуки, что слышатся в шуме дождя, когда далеко в вечернем тумане путник видит селение.

Уже в темноте они добрались до будки обходчика. Отсюда до Низковки верст пять.

– Давай зайдем, – предложил Генка.

– Незачем. Только время терять.

– Чего мокнуть под дождем? Переночуем, а завтра пой-

дем.

– Нет. Эшелон могут отправить.

– Фью! – свистнул Генка. – Его еще через неделю не отправят. Зайдем! Хоть воды напиться.

Они постучали.

В ограде залаял пес, потом за дверью раздался женский голос:

– Чего надоть?

– Тетенька, – тоненьким голоском пропищал Генка, – водицы испить.

Пес за оградой заметался на цепи и залился пуще прежнего. Стукнул засов, дверь открылась. Через тесные сени мальчишки вошли в просторную избу.

Кто-то завозился на печи, и мужской старческий кашляющий голос спросил:

– Матрена, кого впустила?

– Сынков, – ответила женщина, зевая. – Водицы просят... По грибы ходили?

– Ага.

– Идете куда?

– В Низковку.

– Как же вы, – протянула женщина. – На ночь-то глядя?

– Да вот, тетенька, – ухватился за это замечание Генка, – я и то говорю. Может, пустите переночевать?

– Чего ж не пустить! Места не жалко. И дождь... Ишь как сыплет, – говорила женщина, стаскивая с печи и постилая

на полу тулуп, — да и лихие люди шатаются, а то и под поезд попадете. Ложитесь. До света вздремнете, а там и дойти недолго.

Она набросила крючок на дверь, задула лучину и, кряхтя, полезла на печь. Мальчики улеглись и сразу уснули.

Глава 13

Бандиты

И приснилась Мише какая-то неразбериха. Жеребенок вороной, с коротким развевающимся хвостом, резвится, скидывая задние ноги, мчится по полю у подножия отвесной скалы.

Все смеются: Полевой, дедушка, Никитский... Смеются над ним, над Мишей. А жеребенок то остановится, нагнет голову, то брыкнет ногами и опять мчится по полю.

Вдруг... это не жеребенок, а огромный вороной конь. Он с разбегу кидается на отвесную скалу и взбирается по ней, как громадная черная муха, а Никитский стучит по дереву рукояткой нагайки: «Держи коня, держи коня!» Конь взбирается все медленней и медленней. «Держи коня, держи коня!» — кричит Никитский. Вдруг лошадь отрывается от скалы и со страшным грохотом летит в пропасть...

Грохот прервался у Мишиных ног: ведро еще раз звякнуло и утихло.

— Держи коня! — опять крикнул кто-то из избы во двор и

выругался: — А, черт, понаставили тут!

Чиркнула спичка. Тусклая лучина осветила высокого человека в бурке. На дворе ржали лошади и заливался неистовым лаем пес.

— Это кто? — спросил человек в бурке, указывая нагайкой на лежащих в углу ребят.

— Ребятишки со станции, по грибы ходили, — хмуро ответил хозяин. Он стоял в исподнем, с лучиной в руках; его всклокоченная борода тенью плясала по стене. — Да спят они, чего вы беспокоитесь!..

— Поговори!.. — прикрикнул на него человек вбурке.

Он подошел к ребятам и нагнулся, вглядываясь в них. И в ту секунду, когда, притворясь спящим, Миша прикрыл глаза, над ним мелькнул колючий взгляд из-под черного чуба и папахы... Никитский!

Никитский подошел к обходчику:

— Прошел паровоз на Низковку?

— Прошел, — угрюмо ответил старик.

— Ты что же, старый черт, финтить?

Никитский схватил его за рубашку на груди, скрутил ее в кулаке, притянул к себе. Голова старика откинулась назад.

— Греха... — прохрипел старик, — греха на душу не приму...

— Не примешь? — Никитский, не выпуская обходчика, ударил его по лицу рукояткой нагайки. — Не примешь? Через час должен поезд пройти, а ты в монахи записался? — Он еще

раз ударил его.

Старик упал.

Никитский выбежал во двор.

Некоторое время там слышались голоса, конский топот, и все стихло.

Только пес продолжал лаять и рваться с цепи.

Через час должен пройти поезд! С Низковки! Паровоз туда уже вышел... Может быть, их эшелон? И вдруг страшная догадка мелькнула в Мишином мозгу: бандиты хотят напасть на эшелон! Миша вскочил. Что же делать? Как предупредить? За час они не добегут до Низковки...

На полу стонал обходчик. Возле него, охая и причитая, хлопотала хозяйка.

Миша растолкал Генку:

– Вставай! Слышишь, вставай!

– Чего, чего тебе? – бормотал спросонья Генка. Миша тащил его. Генка брыкался, пытался снова улечься на тулуп.

– Вставай. – Миша тряс Генку, – здесь Никитский. Они хотят напасть на эшелон...

Мальчики выбрались из сторожки. Дождь прекратился. Земля отдавала влагой. С крыши равномерно падали капли. Полная луна освещала края редяющих облаков, полотно железной дороги, блестящие рельсы.

Пес во дворе не лаял, не гремел цепью, а выл жутко и тоскливо.

Миша и Генка долго бежали по тропинке вдоль насыпи

и остановились, увидев на путях темные фигуры людей. П слышался лязг железа – бандиты разбирали путь.

Это было самое высокое место насыпи перед маленьким мостиком, перекинутым через овраг. К оврагу спускалась рощица. Мальчики слышали ржание лошадей, хруст веток, приглушенные голоса. Тихонько спустились они с насыпи, обогнули рощу и снова помчались во весь дух.

Холодный рассвет все ясней очерчивал контуры предметов, раздвигал дали. Вот видны уже станционные огни. Мальчики бежали изо всех сил, не чувствуя острых камней, не слыша шума ветра. Вдруг донесся отдаленный протяжный гудок паровоза. Они на секунду остановились и снова понеслись вперед. Они ничего не видели, кроме изогнутых железных поручней паровоза, окутанных клубами белого пара. Поручни эти всё увеличивались и увеличивались, стали совсем громадными и заслонили собой паровоз. Миша хотел ухватиться за них, как вдруг чья-то сильная рука остановила его... Перед мальчиками стоял Полевой.

– Ну, – строго спросил Полевой, – где шатались?

– Сергей Иванович... – Миша тяжело дышал, – там Никитский...

– Где? – быстро спросил Полевой.

– Там... в овраге...

– В овраге? – переспросил Полевой.

– Да.

– Вот как... – Полевой на секунду задумался. – Ладно! А

теперь марш в вагон! И смотрите: больше из вагона не вылезать, а то под замок посажу.

Глава 14

Прощание

Бой продолжался недолго. Бандиты удрали, оставив убитых. Одинокие лошади метались по полю. Красноармейцы ловили лошадей, расседывали, по мосткам загоняли в вагоны.

Бойцы быстро восстановили путь. Поезд двинулся дальше.

В Бахмаче классный вагон отцепили от эшелона для дальнейшей отправки в Москву. А эшелон уходил на фронт.

Перед отходом эшелона Полевой и Миша уселись в тени пакгауза: Миша – на земле, Полевой – на пустом ящике.

– Ну, Миша, что скажешь на прощание?

Миша ничего не отвечал, только прятал глаза.

– Да, – сказал Полевой, – пришла нам пора расставаться. Не знаю, увидимся или нет, так вот смотри...

Он вынул кортик и положил его на ладонь. Кортик был все такой же, с побуревшей рукояткой и бронзовой змейкой. Полевой повернул рукоятку в ту сторону, куда смотрела голова змеи. Рукоятка вращалась по спирали змеиного тела и вывернулась совсем.

Полевой отъединил от рукоятки змейку и вытянул стер-

жень. Он представлял собой свернутую трубкой тончайшую металлическую пластинку, испещренную непонятными знаками: точками, черточками, кружками.

– Знаешь, что это такое? – спросил Полевой.

– Шифр? – Миша вопросительно взглянул на Полевого.

– Правильно, шифр. Только ключ от этого шифра в ножнах, а ножны у Никитского. Понял теперь, почему ему нужен кортик?

Миша утвердительно кивнул головой.

Полевой вставил на место пластинку, завинтил рукоятку:

– Человека из-за этого кортика убили – значит, есть в нем тайна. Надеялся я эту тайну открыть, да время не то... – Он вздохнул. – И таскать его за собой больше нельзя. Никто судьбы своей не знает, тем более война... Так вот, бери... – Он протянул Мише кортик. – Вернусь с фронта – займусь этим кортиком, а не вернусь... – Он подмигнул Мише. – Не вернусь – значит, память обо мне останется.

Миша взял кортик.

– Что же ты молчишь? – спросил Полевой. – Может быть, боишься?

– Чего мне бояться?

– Главное, – сказал Полевой, – не болтай и берегись одного человека.

– Никитского?

– Никитский на тебя и не подумает. Да и где ты его увидишь! Есть еще один человек. Искал я его в Ревске, не на-

шел. Но он ревский. У Никитского в денщиках служил. Может быть, случай вас столкнет, так остерегайся.

— Кто же это?

Полевой снова посмотрел на Мишу.

— Фамилия его Филин.

— Филин... — задумчиво повторил Миша. — У нас во дворе тоже Филин живет.

— Как его имя-отчество?

— Не знаю. Я его сына знаю — Борьку. Его ребята Жилой зовут.

Полевой засмеялся.

— Жила... А он из Ревска, этот Филин?

— Не знаю.

Полевой задумался.

— Филиных много. А этот вряд ли в Москве, должен он за-
прятаться поглубже. А все же остерегайся. Это народ такой:
одним духом в могилевскую губернию отправят. Понял?

— Понял.

— Не робей, Михаил Григорьевич! — Полевой хлопнул его
по плечу. — Ты уже взрослый, можно сказать. Снялся с якоря.
Только помни...

Он встал. Миша тоже поднялся.

— Только помни, Мишка, — сказал Полевой, — жизнь — как
море. Для себя жить захочешь — будешь как одинокий рыбак
в негодной лодчонке: к мелководу жаться, на один и тот же
берег смотреть да затыкать пробойны рваными штанами. А

будешь жить для народа – на большом корабле поплывешь, на широкий простор выйдешь. Никакие бури не страшны, весь мир перед тобой! Ты за товарищей, а товарищи за тебя. Понял? Вот и хорошо! – Он протянул Мише руку, еще раз улыбнулся и пошел по неровным шпалам, высокий, сильный, в наброшенной на плечи серой солдатской шинели.

Перед отходом поезда состоялся митинг. На вокзале собралось много народу. Пришли жители города и рабочие депо. Девушки прогуливались по платформе, грызли семечки и пересмеивались с бойцами.

Митинг открыл Полевой. Он стоял на крыше штабного вагона, над щитом с эмблемой Интернационала. Полевой сказал, что над Советской Россией нависла угроза. Буржуазия всего мира ополчилась на молодую Советскую Республику. Но рабоче-крестьянская власть одолеет всех врагов, и зная Свободы водрузится над всем миром. Когда Полевой кончил говорить, все кричали «ура».

Затем выступил один боец. Он сказал, что у армии кругом нехватка, но она, армия, сильна своим несгибаемым духом, своей верой в правое дело. Ему тоже хлопали и кричали «ура». И Миша с Генкой, сидя на крыше штабного вагона, тоже хлопали в ладоши и кричали «ура» громче всех.

Потом эшелон отошел от станции.

В широко открытых дверях теплушек сгрудились красноармейцы. Некоторые из них сидели, свесив из вагона ноги в стоптанных ботинках и рваных обмотках, другие стояли за

ними. Все они пели «Интернационал». Звуки его заполняли станцию, вырывались в широкую степь и неслись по необъятной земле.

Толпа, стоявшая на перроне, подхватила гимн. Миша выводил его своим звонким голосом. Сердце его вырывалось вместе с песней, по спине пробегала непонятная дрожь, к горлу подкатывал тесный комок, и на глазах показались непозволительные слезы. Поезд уходил и наконец скрылся, вильнув длинным закругленным хвостом.

Вечер зажег на небе мерцающие огоньки, толпа расходилась, и перрон опустел.

Но Миша не уходил. Он все глядел вслед ушедшему поезду, туда, где сверкающая путаница рельсов сливалась в одну узкую стальную полосу, прорезавшую горбатый туманный горизонт. И перед глазами его стоял эшелон, красноармейцы, Полевой в серой солдатской шинели и мускулистый рабочий, разбивающий тяжелым молотом цепи, опутывающие земной шар.

Часть вторая

Двор на Арбате

Глава 15

Год спустя

Шум в коридоре разбудил Мишу. Он открыл один глаз и тут же зажмурил. Короткий луч солнца пробрался из-за высоких соседних зданий и тысячью неугомонных пылинок клубился между окном и лежащим на полу ковриком. Вышитый на коврике полосатый тигр тоже жмурил глаза и дремал, уткнув голову в вытянутые лапы. Это был дряхлый тигр, потертый и безобидный. С коврика луч перебрался на край стола, заблестел на никеле маминой кровати, осветил швейную машину и вдруг исчез, будто и не был вовсе.

В комнате стемнело. Снизу, с Арбата и со двора, доносились предостерегающие звонки трамваев, гудки автомобилей, веселые детские голоса, крики точильщиков, старьевщиков – разноголосые, ликующие звуки весенней улицы.

Миша дремал. Не вставать же в первый день каникул в обычное время. Сегодня весь день гулять. Красота!

В комнату, с уюгом в руках, вошла мама, положила на стол сложенное одеяло, поставила утюг на опрокинутую са-

моварную конфорку. Рядом, на стуле, белела грудa выстиранного белья.

– Миша, вставай, – сказала мама. – Вставай, сынок, побыстрей.

Миша лежал не двигаясь. Почему мама всегда знает, спит он или нет? Ведь он лежит с закрытыми глазами...

– Вставай, не притворяйся... – Мама подошла к кровати, засунула руку под одеяло.

Миша поджал ноги под себя, но холодная мамина рука упорно преследовала его пятки. Миша расхохотался и вскочил с кровати.

Он быстро оделся и отправился умываться.

В сумраке запущенной кухни белел кафельный пол, выщербленный от колки дров. На серых стенах чернели длинные мутные потеки – следы лопнувшего зимой водопровода.

Миша снял рубашку с твердым намерением вымыться до пояса. Он давно так решил: с первого дня каникул начать холодные обтирания.

Поеживаясь, он открыл кран. Звонкая струя ударилась о раковину, острые брызги морозно кольнули Мишины плечи.

Да, холодновата еще водичка... Конечно, он твердо решил с первого дня каникул начать холодные обтирания, но... ведь их распустили на две недели раньше, не первого июня, а пятнадцатого мая. Разве он виноват, что школу начали ремонтировать? Решено: он будет обтираться с первого июня. Миша снова надел рубашку.

Причесываясь перед зеркалом, он внимательно рассмотрел свое лицо. Плохой у него подбородок! Если бы нижняя челюсть выдавалась вперед, то он обладал бы силой воли, — это еще у Джека Лондона написано. А ему необходима сильная воля. Факт, смалодушничал с обтиранием. И так каждый раз. Начал вести дневник, тетрадь завел, разрисовал, а потом бросил — не хватило терпения. Решил делать утреннюю гимнастику, даже гантели раздобыл — и тоже бросил: то в школу надо поскорей, то еще что-нибудь, а попросту говоря, лень. И вообще, задумает что-нибудь такое и начинает откладывать: до понедельника, до первого числа, до нового учебного года... Слабоволие и бесхарактерность!

Миша выпятил челюсть. Вот такой подбородок должен быть у человека с сильной волей. Нужно все время так держать зубы, и постепенно нижняя челюсть выпатится вперед.

На столе дымилась картошка. Рядом, на тарелке, лежали два ломтика черного хлеба — сегодняшний паек.

Миша разделил свою порцию на три части — завтрак, обед, ужин — и взял один кусочек. Он был настолько мал, что Миша и не заметил, как съел его. Взять, что ли, второй? Поужинать можно и без хлеба... Нет! Нельзя! Если он съест сейчас хлеб, то вечером мама обязательно отдаст ему свою порцию и сама останется без хлеба.

Миша положил обратно хлеб и решительно выдвинул вперед нижнюю челюсть. Но в это время он жевал горячую картошку и, выдвинув челюсть, больно прикусил себе язык.

Глава 16

Книжный шкаф

После завтрака Миша собрался уйти, но мама остановила его:

- Ты куда?
- Пойду пройдуся.
- На двор?
- И на двор зайду.
- А книги кто уберет?
- Мне сейчас некогда.
- Я должна за тобой убирать?
- Ладно, – пробурчал Миша. – Ты всегда так: пристанешь,

когда у меня каждая минута рассчитана!

В шкафу Мишина полка вторая снизу. Вообще шкаф книжный, но он используется и под белье, и под посуду. Другого шкафа у них нет.

Миша вытащил книги, подмел полку сапожной щеткой, покрыл газетой «Экономическая жизнь». Затем уселся на полу и, разбирая книги, начал их в порядке устанавливать.

Первыми он поставил два тома энциклопедии Брокгауза и Ефрона. Это самые ценные книги. Если иметь все восемьдесят два тома, то и в школу ходить не надо: выучил весь словарь – вот и получил высшее образование.

За Брокгаузом становятся: «Мир приключений» в двух

томах, собрание сочинений Н.В. Гоголя в одном томе, Толстой – «Детство. Отрочество. Юность», Марк Твен – «Приключения Тома Сойера».

А это что? Гм! Чарская... «Княжна Джаваха»... Слезливая девчоночья книга. Только переплет красивый. Нужно выменять ее у Славки на другую. Славка любит книги в красивых переплетах.

С книгой в руке Миша влез на подоконник и открыл окно. Шум и грохот улицы ворвались в комнату. Во все стороны расплзалась громада разноэтажных зданий. Решетчатые железные балконы казались прилепленными к ним, как и тонкие пожарные лестницы. Москва-река вилась извилистой голубой лентой, перехваченной черными кольцами мостов. Золотой купол храма Спасителя сиял тысячью солнц, и за ним Кремль устремлял к небу верхушки своих башен.

Миша высунулся из окна и крикнул:

– Славка-а-а!..

В окне третьего этажа появился Слава – болезненный мальчик с бледным лицом и тонкими длинными пальцами.

Его дразнили «буржуем» за то, что он носил бант, играл на рояле и никогда не дрался. Его мать – певица, а отец – главный инженер фабрики имени Свердлова, той самой фабрики, где работают Мишина мама, Генкина тетка и многие жильцы этого дома. Фабрика долго стояла, а теперь готовится кпуску.

– Славка, – крикнул Миша, – давай меняться! – Он потряс

книгой. – Шикарная вещь! «Княжна Джаваха». Зачитаешься!

– У меня есть эта книга.

– Неважно. Смотри, какая обложечка! А? Ты мне дай «Овода».

– Нет!

– Потом сам попросишь, но уже не получишь...

– Ты когда во двор выйдешь? – спросил Слава.

– Скоро.

– Приходи к Генке, я буду у него.

– Ладно.

Миша слез с окна, поставил книгу на полку. Пусть постоит. Осенью в школе он ее обменяет.

Вот это книжечки! «Кожаный чулок», «Всадник без головы», «Восемьдесят тысяч верст под водой», «В дебрях Африки»... Ковбои, прерии, индейцы, мустанги...

Так. Теперь учебники: Киселев, Рыбкин, Краевич, Шапошников и Вальцев, Глезер и Петцольд... В прошлом году их редко приходилось открывать. В школе не было дров, в замерзших пальцах не держался мел. Ребята ходили туда из-за пустых, но горячих даровых шей.

Это была суровая голодная зима тысяча девятьсот двадцать первого года.

Миша уложил тетради, альбом с марками, циркуль с погнутой иглой, треугольник со стертыми делениями, транспортир. Потом, покосившись на мать, ощупал свой тайный

сверток, спрятанный за связкой старых приложений к журналу «Нива».

Кортик на месте. Миша чувствовал сквозь тряпку твердую сталь его клинка. Где теперь Полевой? Он прислал одно письмо, и больше от него ничего нет. Но он приедет, обязательно приедет. Война, правда, кончена, но не совсем. Только весной выгнали белофиннов из Карелии. На Дальнем Востоке наши дерутся с японцами.

И вообще Антанта готовит новую войну. По всему видно. Вот Никитский, наверное, убит. Или удрал за границу, как другие белые офицеры. Ножны остались у него, и тайна кортика никогда не откроется.

Миша задумался. Кто все-таки этот Филин, завскладом, Борькин отец? Не тот ли это Филин, о котором говорил ему Полевой? Он, кажется, из Ревска... Кажется... Миша несколько раз спрашивал об этом маму, но мама точно не знает, а вот Агриппина Тихоновна, Генкина тетка, как будто знает. Когда Миша спросил ее о Филине, она плюнула и сердито загудела: «Не знаю и знать не хочу! Дрянной человек». Больше ничего Агриппина Тихоновна не сказала, но, видно, что-то знает. Только говорить не хочет. Строгая женщина, высокая такая, полная. Все ее боятся, даже управдом. Он льстиво называет ее «наша обширнейшая Агриппина Тихоновна». К тому же «делегатка» – самая главная женщина на фабрике. Один только Генка ее не боится: чуть что – начинает собираться обратно в Ревск. Ну, Агриппина Тихоновна

сейчас же на попятную.

...Как же узнать все-таки про Филина? Не догадался он спросить у Полевого его имя-отчество!..

Миша вздохнул, закрыл шкаф и отправился к Генке.

Глава 17

Генка

Генка и Слава играли в шахматы. Доска с фигурами лежала на стуле. Слава стоял. Генка сидел на краю широкой кровати, покрытой стеганым одеялом, с высокой пирамидой подушек, доходившей своей верхушкой до маленькой иконки, висевшей под самым потолком.

Агриппина Тихоновна, Генкина тетка, раскатывала на столе тесто. Была, видимо, чем-то недовольна и сурово посмотрела на вошедшего в комнату Мишу.

— Где ты пропадал? — крикнул Генка. — Гляди, я сейчас сделаю Славке мат в три хода... Сейчас я его; айн, цвай, драй...

— «Цвай, драй»! — загудела Агриппина Тихоновна. — Слезай с кровати! Нашел место!

Генка сделал легкое движение, показывающее, что он слезает с кровати.

— Не ерзай, а слезай! Кому говорю?

Агриппина Тихоновна начала яростно раскатывать тесто, потом снова загудела:

– Стыд и срам! Взрослый парень, а туда же – капусту изрезал, вилочку испортил! Отвечай: зачем изрезал?

– Кочерыжку доставал. Она вам все равно ни к чему.

– Так не мог ты, дурная твоя голова, осторожно резать? Вилочку я на голубцы приготовила, а ты весь лист испортил.

– Голубцы, тетя, – лениво ответил Генка, обдумывая ход, – голубцы, тетя, это мещанский предрассудок. Мы не какие-нибудь нэпманы, чтобы голубцы есть. И потом, какие же это голубцы с пшенной кашей? Были бы хоть с мясом.

– Ты меня еще будешь учить!

– Честное слово, тетя, я вам удивляюсь, – продолжал разглагольствовать Генка, не отрывая глаз от шахмат. – Вы, можно сказать, такой видный человек, а волнуетесь из-за какой-то несчастной кочерыжки.

– Молчи, а то вот этой скалки отведаешь!

– Я молчу. А скалкой не грозитесь, все равно не ударите.

– Это почему? – Агриппина Тихоновна угрожающе выпрямилась.

– Не ударите.

– Почему не ударю, спрашиваю я тебя?

– Почему? – Генка поднял пешку и задумчиво держал ее в руке. – Потому что вы меня любите, тетенька, любите и уважаете...

– Дурень, ну, право, дурень! – засмеялась Агриппина Тихоновна. – Ну почему ты такой дурень?

– Мат! – объявил вдруг Слава.

– Где? Где? Где мат? – заволновался Генка. – Правда... Вот видите, тетя, – добавил он плачущим голосом, – из-за ваших голубцов верную партию проиграл!

– Невелика беда! – сказала Агриппина Тихоновна и вышла на кухню.

– Что ты, Генка, все время с теткой ссоришься? – сказал Слава.

– Я? Ссorioсь? Что ты! Это разве ссора? У нас такая манера разговаривать. – Генка снова начал расставлять фигуры на доске. – Давай сыграем, Миша.

– Нет, – сказал Миша. – Чего дома сидеть!

Генка сложил шахматы, закрыл доску. Мальчики побежали во двор.

Глава 18

Борька жила

Уже май, но снег на заднем дворе еще не сошел. Наваленные за зиму сугробы осели, почернели, сжались, но, защищенные восемью этажами тесно стоящих зданий, не сдавались солнцу, которое изредка вползало во двор и дремало на узкой полоске асфальта, на белых квадратах «классов», где прыгали девочки.

Потом солнце поднималось, лениво карабкалось по стене все выше и выше, пока не скрывалось за домами, и только вспученные расщелины асфальта еще долго выдыхали из

земли теплый волнующий запах.

Мальчики играли царскими медяками в пристеночек. Генка изо всех сил расставлял пальцы, чтобы дотянуться от своей монеты до Мишиной:

– Нет, не достанешь, – говорил Миша, – не достанешь... Бей, Жила, твоя очередь.

– Мы вдарим, – бормотал Борька, прицеливаясь на Слаvinу монету. – Есть! – Его широкий сплюснутый пятак покрыв Славин. – Гони копейку, буржуй!

Слава покраснел:

– Я уже всё проиграл. За мной будет.

– Что же ты в игру лезешь? – закричал Борька. – Здесь в долг не играют. Давай деньги!

– Я ведь сказал тебе – нету. Отыграю и отдам.

– Ах так?! – Борька схватил Славин пятак. – Отдашь долг – тогда получишь обратно.

– Какое ты имеешь право? – Славин голос дрожал от волнения, на бледных щеках выступил румянец. – Какое ты имеешь право это делать?

– Значит, имею, – бормотал Борька, пряча пятак в карман. – Будешь знать в другой раз.

Миша протянул Борьке копейку:

– На, отдай ему биту. А ты, Славка, не имеешь денег – не играй.

– Не возьму, – мотнул головой Борька, – чужие не возьму. Пусть сам отдает.

– Зажилить хочешь?

– Может, хочу.

– Отдай Славке битую!

– А тебе что? – ощерился Борька. – Ты здесь что за хозяин?

– Не отдашь? – Миша вплотную придвинулся к Борьке.

– Дай ему, Мишка! – крикнул Генка и тоже подступил к Борьке.

Но Миша отстранил его:

– Постой, Генка, я сам. Последний раз спрашиваю: отдашь?

Борька отступил на шаг, отвел глаза.

– На, пусть подавится. – Брошенный им пятак зазвенел на камнях. – Подумаешь, заступник нашелся.

Он отошел в сторону, кидая на Мишу злобные взгляды. Игра расстроилась.

Мальчики уселись возле стены на теплом асфальте и грелись на солнце.

В верхушках чахлых деревьев путался звон колоколов, доносившийся из церкви Николы на Плотниках. На протянутых от дерева к дереву веревках трепетало белье; деревянные прищепки вздрагивали, наклоняясь то в одну, то в другую сторону. Бесстрашная женщина стояла на подоконнике на третьем этаже и, держась рукой за раму, мыла окно.

Миша сидел на сложенных во дворе ржавых батареях парового отопления и насмешливо поглядывал на Борьку. Со-

рвалось! Не удалось прикарманить чужие деньги. Недаром его Жилой зовут! Торгует на Смоленском папиросами врасыпную да ирисками и для блеска облизывает их языком. И отец его, Филин, завскладом, – такой же спекулянт...

А Борька как ни в чем не бывало рассказывал ребятам о попрыгунчиках.

– Закутается такой попрыгунчик в простыню, – шмыгая носом, говорил Борька, – во рту электрическая лампочка, на ногах пружины. Прыгнет с улицы прямо в пятый этаж и грабит всех подряд. И через дома прыгает. Только милиция к нему, а он скок – и уже на другой улице.

– А ну тебя! – Миша махнул рукой. – «Попрыгунчики»... – передразнил он Борьку. – Ты еще про подвал расскажи, про мертвецов своих.

– А что, – сказал Борька, – в подвале мертвецы живут. Там раньше кладбище было. Они кричат и стонут по ночам, аж страшно.

– Ничего нет в твоём подвале, – возразил Миша. – Ты все это своей бабушке расскажи. А то «кладбище», «мертвецы»...

– Есть кладбище, – настаивал Борька. – Там и подземный ход есть под всю Москву. Его Иван Грозный построил.

– Иван Грозный жил четыреста лет назад, а нашему дому всего десять лет. Уж врал бы, да не завирался.

– Я вру? – Борька ехидно улыбнулся. – Пойдем со мной в подвал. Я тебе и мертвецов, и подземный ход – все покажу.

– Не ходи, Мишка, – сказал Генка, – он тебя заведет, а потом будет разыгрывать.

Это была обычная Борькина проделка. Из всех ребят он один знал вдоль и поперек подвал – громадное мрачное помещение под домом. Он заводил туда кого-нибудь из мальчиков и вдруг замолкал. В темноте, не имея ориентировки, спутник тщетно зывал к нему. Борька не откликался. И только помучив таким образом свою жертву и выговорив какую-нибудь мзду, Борька выводил его из подземелья.

– Дураков нет, – продолжал Генка, уже попадавшийся на эту удочку. – Ползай сам по своему подвалу.

– Как хотите, – с деланным равнодушием произнес Борька. – Испугались.

Миша вспыхнул:

– Это ты про кого?

– Про того, кто в подвал боится идти.

– Ах, так... – Миша встал. – Пошли!

Они спустились в подвал и осторожно пошли, касаясь руками скользких стен: Борька – впереди, Миша – за ним. Под их ногами осыпалась земля и звенели по временам кусочки жести или стекла.

Миша отлично понимал, что Борька хочет его разыграть. Ладно, посмотрим, кто кого разыграет.

Так они двигались в темноте, и вот, когда оказались в глубине подвала, Борька вдруг затих.

«Начинается», – подумал Миша и, стараясь говорить воз-

можно спокойней, спросил:

– Скоро твои мертвецы покажутся?

Голос его глухо отдавался в подземелье и, дробясь, затихал где-то в дальних, невидимых углах.

Борька не отвечал, хотя его присутствие чувствовалось совсем близко. Миша тоже больше не окликал его.

Прошло несколько томительных минут. Мальчики затаили дыхание. Каждый ждал, кто первый подаст голос. Потом Миша повернулся и пошел назад, нащупывая руками повороты. Ничего, он сам найдет дорогу, а как выберется, закроет дверь и продержит здесь Борьку с полчаса.

Миша шел. Позади он слышал шорох: Борька крался за ним. Ага, не выдержал! Не захотел один оставаться.

Миша продолжал двигаться по подвалу. Нет! Не туда он идет! Проход должен расширяться, а он, наоборот, сужается. Но Миша все шел и шел. Как Борька видит в такой темноте? А вдруг Борька оставит его здесь одного и он не найдет дороги? Жутковато все же.

Проход стал совсем узким. Мишино плечо коснулось противоположной стены. Он остановился. Окликнуть Борьку? Ни за что... Он поднял руку и нащупал холодную железную трубу. Где-то журчала вода. Вдруг сильный шорох раздался над его головой. Ему показалось, что огромная жаба бросилась на него. Он метнулся вперед и полетел вниз...

Когда прошел первый испуг, он поднялся. Падение не причинило ему вреда. Здесь светлей. Смутно видны серые

неровные стены. Это узкий проход, расположенный перпендикулярно к тому, по которому шел Миша, приблизительно на пол-аршина ниже его.

– Мишка-а! – Вверху зачернела Борькина фигура. – Миша! Ты где?

Миша не откликнулся. Ага! Заговорил! Пусть поищет.

– Миша, Миша, ты где? – беспокойно бормотал Борька. – Что же ты молчишь? Мишк...

– Где твой подземный ход? – спросил Миша. – Где мертвецы? Показывай!

– Это и есть подземный ход, – зашептал Борька, – туда нельзя, там самые гробы с мертвецами.

– Боюсь я твоих мертвецов!.. – Миша двинулся по проходу.

Борька схватил его за плечо.

– Смотри, Мишка, – зашептал он, – говорю тебе, идем назад, а то хуже будет...

– Пугаешь?!

– Мы без фонаря все равно ничего не увидим. Я завтра фонарь достану, тогда пойдем.

– Знаю я тебя!

– Чтоб мне провалиться на этом месте! А не пойдешь назад – уйду и не вернусь. Пропадай здесь.

– Испугался я очень! – ответил Миша, но полез вслед за Борькой.

Они вышли из подвала. Ослепительное солнце ударило в

глаза.

– Так смотри, – сказал Миша, – завтра утром.

– Все, – ответил Борька, – договорились.

Глава 19

Шурка большой

На заднем дворе появился Шура Огуреев, Шурка Большой, как его называли ребята, самый высокий во дворе мальчик. Он считался великим артистом и состоял членом драмкружка клуба. Клуб этот находился в подвальном помещении первого корпуса и принадлежал домкому. Ребят туда не пускали, кроме Шурки Большого, который по этому поводу очень важничал.

– А, Столбу Верстовичу!.. – приветствовал его Миша.

– Я думал, ты уже вышел из детского возраста, – ответил Шура.

– Какой серьезный! – заметил Генка. – Где тебя так выучили? В клубе, что ли?

– Хотя бы в клубе. – Шура сделал паузу. – Но в клуб пускают только взрослых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.